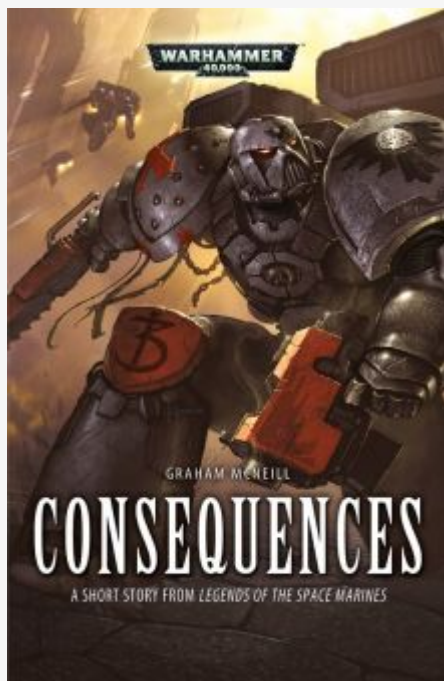

Последствия / Consequences (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Последствия / Consequences
(рассказ)

Автор	Грэм Макнилл / Graham McNeill
Переводчик	Дядюшка RE
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Легенды Космического Десанта / Legends of the Space Marines
Год издания	2010
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Холодная вода скапливалась в небольшом, расположенном в центре камеры углублении в полу, а потом уходила в неизведанные глубины, просачиваясь через трещины в кладке. Здесь, в глубоких подземельях Крепости Геры, она капала прямо с неровного потолка камеры, проникая сюда через тысячеметровую толщу гранита из реки, несущей свои беспокойные воды через Долину Лапониса.

Лишь узкая полоска света виднелась под железной дверью камеры, но её хватало узнику, чьё

усовершенствованное зрение позволяло ему видеть в этой полутьме практически также хорошо, как при свете дня. Однако смотреть в тёмной камере, за исключением железного кольца в стене, к которому приковывали пленников, ожидавших приговора и наказания, было не на что.

Узник не был прикован к стене или ограничен каким-либо другим способом. Нет особого смысла приковывать того, чьей силы с лихвой хватит, чтобы разорвать любые цепи, вырвать железное кольцо из стены, или чья кислотная слюна может разесть даже самый прочный из металлов.

Узник дал клятву, что не будет пытаться сбежать или каким-либо образом вредить своим тюремщикам, и его слово было нерушимо. Он сидел, скрестив ноги, и, оперевшись на руки, удерживал своё тело в дюйме над поверхностью пола. Татуировка Аквилы изгибалась на его правом плече по мере того, как он напрягал или расслаблял свои мышцы, точно также вела себя и выполненная витиеватым шрифтом Высокого Готика цифра на его левом плече.

К равномерному капанию воды с потолка прибавился звук приближающихся шагов, одним плавным движением узник сначала опустился на пол, а затем встал, выпрямившись во весь рост. У него были тёмные волосы, короткие, но всё же длиннее, чем обычно, а в его серых глазах ясно читалась готовность к бою. На его лбу поблёскивали два золотых штифта. Он был очень мускулист, выше и крепче любого самого могучего человека, но он знал, что был гораздо слабее, чем должен бы. Его плоский загорелый живот был покрыт множеством бледных шрамов, это была лишь часть его внушительной коллекции шрамов; отметины боевых ранений и увечий покрывали его тело подобно жуткой паучьей сети.

Узник услышал, как гремят ключи в замке, затем со скрипом открылась дверь, впустив в камеру яркий свет. Он слегка сощурился, дав своим глазам приспособиться к увеличившемуся освещению, и увидел илота, облачённого в голубые одежды тюремщика с тёмным, скрывающим лицо капюшоном.

За ним стояли два великана в отполированной до блеска терминаторской броне, державшие в руках большие алебарды с золотыми лезвиями. Их огромные фигуры заполняли всё пространство широкого коридора. На голубых керамитовых пластинах их доспехов словно огненные змейки мерцали отблески пылающих жаровен. Узник склонился перед тюремщиком:

- Пора? - спросил он.

Илот кивнул - такому как он было запрещено разговаривать с узником - и показал, что Уриил должен выйти из камеры.

Узнику пришлось согнуться, чтобы пройти в дверной проём. Он выпрямился перед терминаторами, прежде чем пойти с ними по освещённому факелами коридору навстречу судьбе, уготованной для него магистром Ультрадесанта.

Поднимаясь по грубо вытесанным ступеням подземелья наказаний, Уриил Вентрис снова и снова прокручивал в своей голове тот путь, что привёл его сюда.

За шесть дней до этого потрёпанный и покорёженный ударный крейсер «Ве Виктус» вывалился из варпа рядом с голубым самоцветом Макрагге. Его броня свисала с него подобно шкуре на умирающей от голода скотине. Путешествие через варп от Тарсис Ультра заняло почти шесть месяцев, однако, вернувшись в реальное пространство и откалибровав корабельные хронометры по положению небесных тел, было отмечено, что на самом деле прошло полтора года. Подобные аномалии в явном ходе времени, возникающие во время путешествий через бурную среду варп-пространства, не были редкостью, скорее

они считались ценой за подобные путешествия, позволяющие кораблю пересекать галактику, не тратя на это тысячелетия.

По правде говоря, такое незначительное расхождение во времени можно было считать выдающимся, учитывая колоссальное расстояние, которое преодолел Ве Виктус. Тарсис Ультра находился на севере Сегментум Темпестус, в то время как звезда Макрагге сияла на восточных рубежах Сегментум Ульtima, на другом конце галактики.

На палубах носовых ангаров корабля были закреплены три «Громовых ястреба», один из них, без брони и вооружений, нуждался в серьёзном внимании технадесантника и команды монозадачных сервиторов, прежде чем снова смог бы подняться в воздух. Одиноким космическим десантником преклонил колени в молитве меж двух параллельных рядов тел, накрытых голубыми саванами.

Другой космический десантник в чёрной силовой броне со шлемом, выполненным наподобие черепа, стоял у дальнего конца рядов тел и негромко читал мантру павших, прося Императора помочь каждому из них занять место подле Него.

Под саванами лежали погибшие десантники Четвёртой роты, цена, заплаченная Ультрадесантом за выполнение древней клятвы помогать народу Тарсис Ультра, данной их Примархом. Это была высокая цена, даже слишком высокая, но Ультрадесантники без принуждения заплатили её, так как это было делом их чести.

Космический десантник, стоявший на коленях между рядами усопших, поднял голову, а затем плавно поднялся на ноги. Капитан Уриил Вентрис дважды ударил кулаком по нагрудной пластине своей брони, отдавая почести павшим.

Они шли за ним в бой на Павонисе, сражаясь с предателями и жутким чужеродным звёздным богом, а позже – на Тарсис Ультра, где противостояли страшным межгалактическим хищникам, известным под названием «Тираниды». Они спасли Тарсис Ультра, но пролили очень много крови за свою победу.

Уриил сражался там плечом к плечу с братьями Мортифакторами, космическими десантниками из доблестного ордена, чью историю можно было проследить вплоть до самого Святого Жиллимана, но чьи доктрины и верования изменились настолько, что он стал абсолютно не похож на орден прародитель.

Мортифакторы почитали смерть превыше всего, и их капелланы в своих видениях черпали мудрость мёртвых. Кровавые обряды и поклонение тем, кто давным-давно прошёл свой жизненный путь, было для Мортифакторов обычным делом. И хотя Уриил поначалу был шокирован подобным отклонением от учений Кодекса Астартес, он позже обнаружил, что имеет больше общего с воинами Мортифакторов, чем ему хотелось признать.

Это было не очень приятное открытие. Капеллан Мортифакторов Астадор очень хорошо выразился по этому поводу: «Мы с тобой оба – Ангелы Смерти, Уриил». Но потребовалось несколько месяцев ожесточённых боёв и трудных решений, чтобы Уриил осознал правдивость этого высказывания. Не взирая на протесты и ярость сержанта Леарха, Уриил последовал видениям Астадора и добился победы, в то время как строгое следование Кодексу привело бы их всех к поражению в войне. Оказавшись меж двух противоположных философий, Уриил выбрал баланс между следованием духу и букве Кодекса. Он понимал, что подобное поведение выделяло его из своих братьев, но его прежний капитан Идеи, научил его ценить подобное понимание, и Уриил сердцем чувствовал, что поступает правильно.

Он ещё раз оглядел ряды павших, чувствуя тяжкий груз у себя на своей душе. Он чуть не погиб в брюхе

тиранидского корабля-улья, когда из-за инопланетного яда во всём его теле начала сворачиваться кровь. Он выжил только благодаря преданности своего старого друга и товарища Пазания, который отдал чуть ли не всю свою кровь, чтобы спасти жизнь своего капитана. Ранения, полученные Уриилом в бою, практически зажили, хотя пласплоть, закрывавшая широкую рану у него на груди, всё ещё пульсировала тупой саднящей болью. После сражения с тиранидским защитным организмом технодесантник Харк и аптекарий Селен при помощи аугметических сухожилий и мышечных тканей восстановили его плечо и ключицу заново, и регулярно делали ему переливание крови, чтобы поддерживать её чистоту.

И всё же он не умер, он победил, хоть для этого ему и его собратьям и пришлось пойти на бесчисленные жертвы. Тарсис Ультра был спасён, хотя он уже никогда не будет прежним. Уриил достаточно видел на Ихаре IV, чтобы знать, если планета оказалась заражена этими мерзкими ксенородными созданиями, то её никогда не удастся от них очистить.

Тела были подготовлены для транспортировки в гробницы под Крепостью Геры; капеллан Клаузель исполнял «Финис Рерум», а Селен с благоговением извлекал из них прогеноиды. По возвращении на Макрагге каждый десантник будет помещён в отдельный склеп, а Уриил пойдёт в Храм Исправления к Святилищу Примарха и вырежет имена погибших на гладких плитах чёрного мрамора, покрывавших внутренние стены зала.

Внезапно голос Клаузеля стих, Уриил повернулся к нему лицом, подумав, глядя на его черепоподобный шлем, что возможно Мортифакторы не так уж сильно отличались от них. Ведь разве капеллан не являлся образом Смерти воплоти? Часто последним, кого видел воин, прежде чем отправиться в мир иной, был капеллан, воин, подготавливавший его душу к путешествию в залы мёртвых.

Уриил кивнул Клаузелю, чувствуя изменение тона вибрации корпуса корабля – основные двигатели выключались. «Ве Виктус» прибыл на орбиту Макрагге, и они были готовы к высадке.

Благоговение. Смирение. Ощущение истории, простирающейся на десять тысяч лет назад. Все эти и другие чувства нахлынули на Уриила, когда он вновь вошёл в Храм Исправления. Он помнил, что последний раз ступал по плитам мраморного пола этого величественного сооружения, как раз перед отбытием на Тарсис Ультра. Тогда он был подающим надежды и получившим своё первое боевое крещение капитаном, ещё не привыкшим к бремени командования. Он помнил, что до того, как это бремя ответственности легло на его плечи, ему казалось, что жизнь очень проста.

Как и всегда Храм был заполнен пилигримами и паломниками, многие из которых проделали длинный путь, чтобы попасть сюда. Женщины держали на руках младенцев в пелёнках, большая часть которых, как понимал Уриил, была зачата и появилась на свет во время паломничества на Макрагге. Головы склонялись в поклоне, когда он проходил мимо, благословения выкрикивались ему вслед. Люди молились, благодаря Императора за то, что он послал одного из своих избранных воинов помолиться вместе с ними.

Уриил шёл по коридорам со стенами из белоснежного мрамора с красными и золотыми прожилками и полом, выложенным добытыми у подножия Водопадов Геры камнями. Он вошёл во внутреннее святилище, разукрашенное разноцветными лучами, проходящими через гигантский купол наверху. Преломляясь в кристаллах, из которых состоял купол, лучи переплетались друг с другом, образуя ослепляюще-яркую внутреннюю радугу.

Сотни людей стояли на коленях перед светящейся тёплым мягким светом гробницей Примарха,

воспевая его в своих хвалебных песнях. В зале царила практически осязаемая атмосфера изумления и восторга, Уриил опустился на одно колено, чувствуя себя недостойным слишком долго смотреть на лицо отца-основателя его ордена.

Находясь рядом с таким величественным героем Империи, хоть его сердце и перестало биться почти десять тысяч лет назад, Уриил чувствовал себя ничтожным и недостойным, особенно после сражений на Тарсис Ультра. Разве он не отринул там учения легендарного воина, положившись на свои собственные ощущения и примитивные обряды смертопоклонника? Это всё высокомерие, гордыня. Кто он такой, чтобы ставить под сомнение мудрость своего Примарха, являющегося плотью от плоти Императора?

- Прости меня, мой повелитель, - прошептал Уриил, - ибо я недостойн твоей любви. Я пришёл к тебе, чтобы почтить имена и подвиги твоих сыновей, павших в бою. Они сражались с отвагой и честью и заслужили место подле тебя. Огради их от страданий, пока таинства генокода не позволят им вновь возродиться по твоему образу и подобию.

Уриил поднялся и направился к мраморным плитам, расположенным во внутренней стене. Он остановился перед секцией, посвящённой Четвёртой роте. Так много плит, так много имён тех, кто отдал свои жизни за орден. Уриил сделал шаг к последней плите, и хотя ему предстояло вырезать на ней семьдесят восемь имён, он не нуждался в их списке. Лицо и имя каждого воина отпечатались в его памяти, и даже если он проживёт так долго, что станет одним из магистров, он всё равно не забудет тех, кто погиб под его командованием.

Уриил снял с пояса небольшой резец и молоток и начал аккуратно колоть мрамор, высекая в нём первое имя. Он сглаживал внутренние кромки каждой буквы шлифовальным камнем, подготавливая их для тех мастеров, которые позже будут покрывать их сусальным золотом.

Имена следовали друг за другом, Уриил потерял счёт времени, восстанавливая в памяти характер и личные качества каждого воина, чьё имя он вырезал. День закончился, радуга померкла и совсем исчезла, чтобы вновь появиться следующим утром. Шли дни, но Уриил не прекращал работу даже для того, чтобы поесть и попить. Илоты, ухаживающие за храмом, время от времени подходили узнать, не требуется ли ему чего-нибудь, но Уриил лишь качал головой. После трёх дней они перестали подходить.

Когда солнце пятого дня начало поднимать с храмового пола световую радугу, Уриил сгладил последнюю кромку последней буквы последнего имени. Его руки болели от кропотливой и усердной работы, но он был доволен. Все семьдесят восемь воинов навечно войдут в историю Ордена, и, стоя в постепенно заполняющемся светом и теплом зале, Уриил чувствовал их молчаливое одобрение его бдения.

Он собрал свои инструменты и прошёл в центр храма. Несмотря на то, что он не ел, не пил и не спал, он ощущал себя более свежим, чем когда бы то ни было, как будто прохладный источник нёс свои воды по его венам, унося с ними бывшего Уриила и оставляя на его месте лишь преданного воина Императора.

Песнопение множества паломников звучало в его голове, и Уриил ощутил долгожданное спокойствие. Он закрыл глаза и начал молиться, благодаря Императора, что дал ему возможность послужить Ему и своему ордену. На лицах многих паломников отразился восторг, когда голос Уриила присоединился к их песнопениям. Они пели о долге, отваге и жертве. Они пели до хрипоты, до тех пор, когда уже не могли подать свой голос. Они пели, и из их глаз градом катились слёзы, а в храме царила всепоглощающая атмосфера братства. Волны эмоций захлёстывали Уриила, его грудь распирали от переполнявших его чувств, но он продолжал вместе со всеми воспевать осанну.

Когда последний гимн достиг своей кульминации и закончился шквалом ликования, в храм вошли три космических десантника в блистающих доспехах. В этом не было ничего необычного, но потом Уриил увидел, что вёл их не кто иной, как капитан Второй роты Сикарий, Командир Караула и Магистр Двора. Уриил также увидел, что терминаторы, следовавшие за ним, – неслыханное в святилище Примарха дело – были вооружены.

Сикарий остановился перед Уриилом:

- Вентрис, – сказал он.

Несмотря на то, что они оба были капитанами, Сикарий был вышестоящим офицером, и Уриил склонил свою голову в поклоне:

- Капитан Сикарий, рад встрече.

Черты Сикария были, как будто бы высечены из гранита, Уриил ещё не видел его таким суровым.

- Уриил Вентрис Калтский, – официальным тоном произнёс Сикарий, – властью, данной мне лордом Калгаром и Императором Человечества, приказываю тебе сдаться, чтобы я поместил тебя под стражу твоих собратьев, и они судили тебя.

Уриил чувствовал, что уже знает ответ, но всё равно спросил:

- Каковы обвинения?

- Ересь, – сказал, будто плюнул, Сикарий, как будто само слово было ему противно, – Не пробуй сопротивляться, Вентрис, снаружи есть ещё воины, и не за чем смущать людей вокруг.

Уриил кивнул:

- Благодарю тебя, что позволил мне закончить мою работу здесь. Я понимаю, что ты мог прийти раньше.

- Ради мёртвых, не ради тебя, – коротко ответил Сикарий.

- Всё равно, спасибо.

Сикарий кивнул терминаторам:

- Отведите его в подземелья.

Чертоги Марнея Калгара, Магистра Ультрадесанта, окружённые золотыми куполами и мраморными колоннами храмов Крепости Геры, были расположены на вершине самого высокого пика горного хребта. Не смотря на то, что день был очень жарким, воздух здесь был приятно тёплым, так как лёгкий водяной туман, висящий над грохочущими Водопадами Геры, поглощал большую часть жары. Идеально симметричное строение, вмещающее покои Великого магистра Ордена, было окружено небольшим притопленным садом, открытым лазоревому небу. Стены покоев были окутаны прохладными тенями, а с балконов свисали шитые золотом боевые стяги. В саду плескался фонтан, статуя в его центре изображала первого боевого короля Макрагге Конора, её окружали скульптуры других давно умерших героев, искусно расположенные таким образом, как будто все они пришли почтить своего древнего короля.

Последний раз Уриил приходил сюда, когда получал приказ отправиться на Павонис, и не мог

задерживаться надолго. Теперь же, после ночи в подземельях, лишённый своих доспехов, он являл картину своего позора. И что ещё хуже, это также была картина позора его старейшего друга. Одетый в голубой хитон и закованный в такие же кандалы рядом с ним стоял Пазаний. Уриил готов был смириться со своим бесчестьем, но ему было невыносимо видеть, что Пазаний должен был разделить его участь.

Лорда Калгара окружали магистры ордена, находившиеся в этот момент на Макрагге. Судьба Уриила была в их руках. Слева от Калгара сидел капитан Сикарий, Командир Караула, рядом с ним находились: капитан Гален, Магистр границ, и Фенния Максим, Магистр Кузниц. С другой стороны сидели: Главный Фуражир капитан Иксион, Командир Новобранцев капитан Антилох и легендарный капитан Первой роты Агемман. Весь цвет Ультрадесанта во главе с Великим Магистром Калгаром, его сеньором и повелителем, собирался судить его.

Калгар выглядел старше, чем его помнил Уриил, его пронзительный взгляд стал печальней, на его строгих, аристократических чертах лежала печать тяжких забот. Уриил не смог выдержать разочарования во взгляде своего повелителя и опустил голову, раскалённый свинец позора жёг его грудь изнутри.

Последним, кто сидел рядом с Калгаром, был Леарх. Сержант-ветеран Четвёртой роты Леарх сражался плечом к плечу с Уриилом, и, хоть это и разбивало Уриилу сердце, он знал, что именно Леарх выдвинул против него с Пазанием обвинения.

Он должен был предвидеть такой ход дела. В последние часы войны на Тарсис Ультра Леарх дал ему понять, что будет искать сатисфакции вопиющему нарушению Уриилом учений Кодекса Астартес. Уриил не держал на него зла, наоборот он испытывал лишь гордость за своего сержанта. Тот был Ультрадесантником до мозга костей и всё сделал правильно. И действительно, если бы он не нарушал Кодекса, то был бы сейчас рядом с Леархом.

По какому-то незаметному сигналу капитан Сикарий поднялся со своего места, его красный плащ развеялся за его спиной, пока он спускался к Уриилу с Пазанием, с отвращением оглядывая обоих. Он достал запечатанный сургучом свиток и посмотрел на Калгара, тот кивнул головой.

- Уриил Вентрис. Пазаний Лисан. Сего года, сорок тысяч девятьсот девяносто девятого, правления Его Императорского Величества, настоящим вы обвиняетесь в семнадцати случаях совершения преступлений на почве ереси. Понимаете ли вы всю серьёзность обвинений?

- Понимаю, - ответил Уриил.

- Так точно, - исполненным презрения тоном сказал Пазаний, - хотя то, что вы притащили нас сюда после великой победы на Тарсис Ультра, лишь бросает тень на память тех, кто погиб там. Мы сражались с Великим Пожирателем с отвагой, честью и верой. Никто не может просить большего!

- Молчать! - взревел Сикарий, - Ты будешь отвечать только на те вопросы, которые я буду задавать, и только. Ты понял меня?

Губы Пазания скривились в презрительной усмешке, но он ничего не сказал, лишь кивнул. Явно удовлетворённый Сикарий обошёл фонтан и встал перед Уриилом, буравя его своим суровым взглядом, словно, пытаясь одним лишь своим видом заставить его признать свою вину.

- Ты был протеже капитана Идея, так ли это?

- Ты же знаешь, что это так, капитан Сикарий, - ровным голосом ответил Уриил.

- Отвечай на вопрос, Вентрис, - резко возразил Сикарий.

- Мой ранг - капитан, ты ещё не доказал мою вину, а значит будешь обращаться ко мне согласно моему званию до тех пор, пока этот суд не вынесет мне приговор.

Сикарий поджал губы, но, поняв, что больше ничего не добьётся, неохотно продолжил:

- Хорошо, капитан, давайте продолжим?

- Да, я на протяжении девяти десятков лет служил в Четвёртой роте под началом капитана Идея, и после его смерти на Фракии получил повышение.

- Опишите нам обстоятельства его смерти.

Уриил сделал глубокий вдох, пытаясь погасить волну, поднимавшегося в нём праведного гнева. История последней битвы Идея была хорошо известна всем присутствующим, и он не видел надобности для её очередного пересказа.

- Капитан Вентрис?

- Хорошо, - начал рассказывать Уриил, - Фракия была одной из планет, восставших против законного правления представителей Императора в Секторе Улента. Поговаривали, что подстрекателями этого мятежа были сторонники тёмных сил. Мы были прикомандированы к группировке сил инквизитора Аполлиона и имели задачу провести ряд ударов по ключевым позициям противника, чтобы поддержать наступление войск Имперской Гвардии на столичный город Мерсию.

- Расскажите о последнем задании, - попросил Сикарий.

- Гвардия наступала узким фронтом, и один из флангов был открыт для контратаки через серию мостов. Отделения Четвёртой роты получили задание уничтожить их.

- Лёгкая задача.

- Теоретически, да. Разведка докладывала, что мосты были слабо защищены.

- Но дело было не в этом, да? - спросил Сикарий.

- Нет, мост «Два-четыре» действительно плохо оборонялся, и мы взяли его без потерь. Захватив мост, мы сразу же начали его минировать, следуя командам технодесантника Томазина.

- Светлая ему память, - произнёс нараспев Фенния Максим со своего места.

- И что произошло?

- Пока мы готовили мост к подрыву, погода стремительно ухудшилась, и мы получали обрывочные донесения о приближающемся противнике. Не прошло и получаса, как мы были атакованы вражескими войсками, численностью около батальона, пытавшимися отбить мост.

- Грозная сила, - заметил Сикарий.

- Не очень, - ответил Уриил, - хотя на этот раз противник и был лучше вооружён, мы были способны сдерживать его, однако в процессе боя вражеским зенитным огнём был сбит наш «Громовой ястреб».

- Значит, вы лишились способа эвакуации, - рассуждал Сикарий, - По истине отчаянная ситуация. А

когда враг атаковал снова?

- На вечерней заре мы были атакованы воинами легиона Повелителей Ночи.

Общий вздох облетел сад. Все присутствующие знали о падших легионах, но услышать одно из их имён, произнесённое столь прямо, всё равно было шоком. Упоминание проклятого имени считалось непристойным.

- Мы смогли отбить их первый натиск, но вскоре стало ясно, что удержать мост у нас не получится.

- И что же вы сделали?

- Взрывчатка была установлена, но технодесантник Томазин был убит во время первой атаки, и без его детонатора мы не могли подорвать мост. Ночью капитан Идея отправил наши штурмовые отделения, чтобы они попытались детонировать взрывчатку вручную при помощи гранат. У них ничего не получилось, но сам план был разумным.

- Прошу прощения, капитан Вентрис, но я не совсем понимаю, - Сикарий склонил голову набок.

- Что?

- Этот план Идея, он совершенно очевидно не относится к тактическим решениям, изложенным в Кодексе Астартес. Вы уверены, что это был его план?

Уриил хотел было ответить, что, конечно, это был план Идея, внезапно воспоминания боя на мосту «Два-четыре» нахлынули на него. Сикарий улыбнулся, и Уриил понял, как ловко он был подведён к признанию своей вины. Медленно он покачал головой.

- Нет, это не было планом капитана Идея, - произнёс он, - это был мой план.

Сикарий отступил на шаг назад, разведя руки в стороны.

- Это был твой план, - произнёс он победоносно.

- Но он сработал, - взревел Пазаний, - Разве не очевидно? Мост был взорван и кампания выиграна!

- Это не имеет значения, - ответил Сикарий, - Победа считается победой, только если она достигнута благодаря учениям Примарха. Мы все читали о Мортифакторах в докладе капитана Вентриса о боевых действиях на Тарсис Ультра. Мы все знаем, куда ведёт путь отклонения от Кодекса Астартес. Скажите мне, сержант, вы хотите, чтобы мы стали Мортифакторами?

Пазаний покачал головой:

- Нет, конечно, нет.

- Но вы же хотели, чтобы мы следовали их методам?

- Нет, это не то, что я говорил, - прорычал Пазаний, - Я имел в виду, что все наши нарушения Кодекса были малыми.

- Сержант, - сказал Сикарий так, словно обращался к маленькому ребёнку, - Наша вера в Кодекс есть крепость, и никакая трещина в ней не может считаться малой. И если мы будем продолжать делать шаги по их пути, каждый следующий, пусть даже крохотный, шаг будет даваться всё легче и легче,

разве нет? После сотни таких нарушений учений Кодекса, какое значение будут иметь ещё десять или сто? Вот почему ты должен понести наказание, капитан Вентрис, потому что за тобой идут другие. Ты – капитан Ультрадесанта и должен вести себя соответственно.

Уриил смотрел, как Сикарий поднялся по ступеням и занял своё место. Теперь в сад спускался Магистр Кузниц Фенния Максим. У него была толстая обветренная, цвета старого дуба кожа и бритая наголо голова. На его лице выделялись глубоко посаженные глаза, один был тёмным, другой же был заменён аугметическим имплантатом, мигавшим ровным красным светом. Сложив руки за спиной, Фенния обходил вокруг Уриила, буквально сверля его своим пронзительным взглядом. Ещё одна рука – механическая, сложенная у него за спиной, – тихонько жужжала в такт его дыханию и мерной поступи его больших металлических ног, громко печатавших шаги на каменных плитах двора.

- Я говорил с технодесантником Харком, – рявкнул он внезапно.

Уриил понял, куда клонил Максим, поэтому сразу сказал:

- Это я приказал ему разобрать «Громовой ястреб», он лишь подчинился мне, и не должен нести наказания за свои действия на Тарсис Ультра.

Максим подступил вплотную к Уриилу, и его суровое лицо буквально нависло над ним.

- Я знаю, – прошипел Фенния, – Неужели ты думал, что я не узнаю этого?

- Нет, – ответил Уриил, – Я просто хотел расставить всё по местам.

- Ответь, зачем ты осквернил священную машину, доблестно служившую нашему Ордену практически полное тысячелетие и много раз носившую тебя в бой. Как мог ты предать и надругаться столь жестоко над таким благородным духом?

- У меня не было выбора, – коротко ответил Уриил.

- Не было выбора? – с издёвкой произнёс Максим, – Мне тяжело в это поверить.

- Я не лгу, магистр, – угрюмо ответил Уриил, – Нам нужно было заставить планетарные защитные лазерные установки открыть огонь, чтобы уничтожить один из тиранидских кораблей-ульев, и единственным способом это сделать, – было доставить свежие энергетические батареи к установке, имеющей лучший шанс это сделать. Единственной машиной, способной добраться туда, а потом вернуться обратно, был «Громовой ястреб», причём, чтобы уменьшить его вес, мне пришлось отдать приказ снять с него всё, что только можно было снять. Только так нам могло хватить горючего на обратный путь.

- Ты разозлил его дух машины. Я ухаживал за ним, и он очень сильно разгневан. На твоём месте я бы поостерегся доверять ему свою жизнь до тех пор, пока не вымолишь у него прощение и не проведёшь соответствующие обряды почитания.

Максим повернулся к Уриилу спиной и вернулся на своё место, вслед за ним и другие магистры ордена брали слово, раз за разом уличая Уриила в неуважении к Кодексу Астартес. Они знали все подробности обеих кампаний на Павонисе и Тарсис Ультра, битвы на космическом скитальце «Гибель добродетели» и сражения с тёмными эльдарами на обратном пути.

Его смущение возрастало по мере того, как во всеуслышание представлялись всё новые и новые случаи его пренебрежения Кодексом Астартес. И хотя он не мог отрицать правдивости этих обвинений, Уриил

готов был объяснить причины и необходимость принятых им решений. Но по мере того, как проходило время, и часы сменяли друг друга, он понял, что магистрам ордена была не нужна его правда. Он отклонился от Кодекса Астартес, совершив тем самым самое ужасное преступление из всех, которые только можно было придумать. Ничто не могло искупить подобное преступление против веры и преданности.

Когда солнце скрылось за черепичной крышей чертогов лорда Калгара, терпение Уриила было на исходе, и он опасался, что может потерять его полностью. Этим людям не была нужна правда, им нужен был козёл отпущения, который заплатил бы за всех погибших на Тарсис Ультра, а также – послужил бы для всего ордена хорошим примером того, что нет другого пути, кроме изложенного в Кодексе.

Он хотел закричать от негодования, но лишь сжал плотнее губы, чтобы сдержать свою ярость. По плитам сада вытянулись длинные багровые тени. Вечерние мотыльки собрались в беспокойные стайки вокруг горящих факелов, закреплённых на балконах. Наконец со своего места поднялся Марней Калгар, бросив взор на магистров ордена, он спустился в сад. Подойдя к Уриилу, Калгар посмотрел ему в глаза. Уриил с решимостью встретил его взгляд, намереваясь как подобает настоящему воину, которым он себя по праву считал, встретить свою судьбу, какой бы она ни была.

После довольно большой паузы лорд Калгар произнёс:

- Мне печально видеть, что стало с вами обоими. Я видел вас в величии и надеялся, что однажды вы займёте место среди величайших героев нашего ордена. Но в жизни нет ничего постоянного, и вот вы стоите передо мной, обвиняемые в самом тёмном из преступлений. Завтра вам будет представлена возможность защитить себя и опровергнуть выдвинутые против вас обвинения. Подумайте хорошенько, что вы будете говорить. Я советую вам провести эту ночь в молитве. Обратитесь к Императору, чтобы он направил вас, и вспомните свои клятвы, данные этому ордену, когда в следующий раз будете стоять передо мной.

Луна только-только успела осветить крыши зданий, когда Пазания и Уриила отвели обратно в их камеры.

В камере было темно, сыро и пахло затхлостью и безнадежностью. С кольца в стене свисала тяжёлая цепь, с потолка срывались крупные водяные капли, но вода не скапливалась на каменном полу, исчезая в многочисленных трещинах.

- Должен ли я заковать тебя? – спросил один из терминаторов, через вокс-усилитель своего шлема.

- Нет, – ответил Уриил, – Я не создам неприятностей, и даю слово, что не буду пытаться сбежать.

Терминатор кивнул, как если бы ничего другого от него и не ожидал, и закрыл дверь, заперев её толстыми цепями и механическими запорами. Уриил сжал кулаки и подобно дикому зверю мерил быстрыми шагами свою камеру. Он не будет пытаться сбежать, но завтра он обернёт все обвинения, выдвинутые против него, обратно на самих обвинителей. Они не были свидетелями обстоятельств, вынудивших его принимать трудные решения.

Разве были они на стенах Тарсис Ультра? Где они были, когда он столкнулся с могучим древним звёздным богом и позволил его мерзкой ксенозаразе проникнуть в его разум? Где они были, когда он практически погиб, сражаясь за них?

Он знал, что слишком горячо реагирует, но ничего не мог с собой поделать. Ему было больно от

несправедливости происходившего, он опустился на пол камеры, слушая капель воды и подготавливая свою завтрашнюю речь.

Прошло несколько часов, когда расположившийся на влажном и холодном полу камеры Уриил вдруг расслышал приближающуюся поступь мягких шагов. Крадущиеся шаги, как у человека, который боится быть обнаруженным. Когда шаги приблизились к камере Уриила, он благодаря своему усовершенствованному слуху даже сквозь железную дверь смог определить, что его гость был космическим десантником.

Уриил быстро поднялся с пола и сел, прислонившись спиной к стене напротив двери. В замке, поворачиваясь, загремел ключ, распахнулась дверь, и в проёме, загородив свет из коридора, появилась закутанная в балахон фигура. Десантник зашёл в камеру и откинул с головы капюшон.

- Рад видеть тебя, капитан Вентрис, - прозвучал глубокий бас умудрённого годами и опытом воина.

- Капитан Агемман? - проговорил Уриил, узнав десантника по голосу. Агемман являлся капитаном Первой роты - ветеранов, самых лучших и храбрых воинов ордена. Среди прочих своих званий он носил титул Регента Ультрамара, отвечавшего за безопасность Ультрамара в отсутствие Магистра Ультрадесанта. После смерти капитана Инвикта, героя Первой роты, погибшего в сражении с тиранидами флота-улья «Бегемот», Агемман начал восстанавливать уничтоженную роту. И только сейчас, двести пятьдесят лет спустя, её численность была полностью восстановлена, и боевое знамя вновь вынесено из реликвария.

Своим примером Агемман вдохновлял всех, проходивших подготовку в Агизеле, а также тех, перед кем уже были открыты врата Крепости Геры. Его доблестный характер и отважных дух являлись яркими светочами в кремешной тьме. Чего же он мог хотеть от Уриила?

- Так точно, - ответил Агемман, протягивая руку для рукопожатия, - Отвага и честь.

- Отвага и честь, - ответил Уриил, пожимая руку Агеммана.

Агемман скрестил руки на груди и оглядел камеру, на его лице отразилось отвращение к мрачной и унылой камере.

- Горько видеть, когда со столь отважным воином так обращаются.

- Вы выбрали странное время, чтобы прийти ко мне, капитан. Что вам нужно?

- Я пришёл по поручению лорда Калгара, капитан Вентрис.

- Лорда Калгара? Я не понимаю -

- Я всё о тебе знаю, Уриил, - перебил его Агемман, - Я следил за тобой, начиная с самого Агизеля. Я заметил твой потенциал и возрадовался, когда ты был выбран, чтобы войти в Крепость Геры и стать Ультрадесантником. Я возносил благодарственные молитвы за победу на Мире Ворна и оплакивал вместе с тобой погибших на Дороге чёрных костей. Я знаю о всех твоих действиях на службе в Карауле Смерти и знаю, почему ты не хочешь говорить об этом.

- Зачем вы всё это мне рассказываете? - внезапно насторожившись, спросил Уриил.

- Затем, чтобы ты понял, что я говорю правду, Уриил Вентрис, - объяснил Агемман, - Ты обвиняешься в одном из самых серьёзных преступлений, которые только может совершить Ультрадесантник, и твоя

жизнь весит сейчас на очень тоненьком волоске. И тебе лучше прислушаться к тому, что я тебе скажу.

Агемман закрыл дверь:

- От этого будет многое зависеть...

Наступил новый ясный день, над горами поднялось яркое солнце, осветив серые скалы и горные леса. Свежий ветерок гулял по всей Долине Лапониса, Уриил ощущал чрезвычайную лёгкость, поднимаясь по гладким, вырезанным в скале ступеням, ведущим к чертогам Марнея Калгара. Несмотря на сопровождение вооружённых конвоиров, его поступь была легка, гнев с обидой больше не тревожили его сердце. Он знал, что ему нужно делать, и сейчас, после принятия решения, его больше не терзали никакие сомнения.

Его немного печалило, что Пазания также вели рядом с ним, но он был бессилён что-либо изменить. Капитан Агемман целый час разговаривал с Уриилом, он говорил чётко и ясно, и покорило его искренностью и пламенностью своих слов. Потом они обменялись крепким воинским рукопожатием - кисть к кисти - и распрощались. Агемман пожелал Уриилу удачи и вышел из камеры, без сомнения, чтобы направиться с таким же посланием к Пазанию.

Поднимаясь по ступеням навстречу своей судьбе, Уриил бросил взгляд на Пазания, по его лицу было видно, что он внял словам Агеммана и выбрал тот же путь. Уриил преклонялся перед верностью своего товарища, и когда они добрались до эспланады и направились к многоколонной галерее, ведущей к чертогам Марнея Калгара, на его губах играла слабая улыбка.

Они прошли между стражами в доспехах терминаторов в тёмный зал, а потом вновь вышли на яркий солнечный свет, заливавший внутренний двор. Несмотря на то, что узников вывели из камер с самыми первыми лучами солнца, все магистры ордена уже собрались здесь, облачённые в свои церемониальные одежды с лавровыми венками на головах, символизирующими судебную власть. Уриил с Пазанием встали рядом со статуей Конора, повернувшись лицом к лорду Калгару и вытянув руки по швам. Вооружённые воины направились к выходу со двора, и ни одна душа не шелохнулась, пока не раздался звон закрывшихся за ними бронзовых дверей.

Марней Калгар спустился в сад и остановился перед Уриилом и Пазанием. Его аугметический глаз светился ровным светом, лицо не отражало никаких эмоций. Уриил знал, что Калгар прошлой ночью послал к ним в камеры Агеммана, и хотя понимал, что это означало конец для них обоих, он не находил в своём сердце злобы, лишь простое понимание того, что значит быть истинным Ультрадесантником.

Повелитель Ультрадесанта обошёл фонтан, обращаясь к собравшимся магистрам:

- Братья Ультрадесантники, сегодня - день суда. Мы слышали много обвинений, выдвинутых против этих воинов, но мы - люди чести и не будем решать их судьбу, не предоставив им шанса опровергнуть обвинения и оправдаться в глазах наших братьев.

Калгар совершил полный круг вокруг пенящегося фонтана и вновь встал перед Уриилом, посмотрев ему прямо в глаза.

- Капитан Вентрис, у тебя есть право говорить в свою защиту.

Уриил сделал глубокий вдох и сказал:

- Я отказываюсь от этого права и принимаю решение суда, которое вынесут мои повелители.

Рябь удивления пробежала по магистрам, а Калгар неуловимо кивнул Уриилу головой. После этого он задал такой же вопрос Пазанию и получил такой же ответ. Уриил видел, как напряглось лицо Леарха, и мог представить, как тяжело сержанту из-за того, что он навлёк это всё на своего капитана, но Уриил понимал, что другого выхода у Леарха не было. Он кивнул своему сержанту в знак взаимного примирения и уважения.

Уриил повернулся к Магистру Ультрадесанта, когда тот вновь обратился к нему:

- Не желаешь ли всё-таки объясниться и обратиться с прошением к своим собратьям?

- Нет, - ответил Уриил, - Я добровольно подчинюсь вашему решению.

Лорд Калгар повернулся к Уриилу спиной и вернулся на трон, поправив свой плащ, прежде чем обратиться к присутствующим магистрам.

- Эти воины утратили веру в Кодекс Астартес и по доброй воле признают свою вину, - начал Калгар, - Их судьба находится теперь в моих руках, и завтра я объявлю своё решение. Мы снова соберёмся завтра на заре у Скалы Галлана, где и будет исполнен приговор.

Несмотря на то, что Уриил знал, что они будут наказаны, его сердце опустилось, когда он услышал упоминание Скалы Галлана, ведь она была лобным местом.

Шум Водопадов Геры был оглушающим. Потоки воды обрушивались на сотни метров вниз, разбиваясь о белые клыки острых скал, возвышающихся над пенным озером ледяной воды. Скалы блестели и сверкали частичками кварца, по краям озера зеленели пихты и ели. Солнце поднялось над горными вершинами и осветило всё своим тёплым золотым светом. Уриилу подумалось, что это самая прекрасная картина, которую ему когда-либо доводилось видеть, как будто сама природа, поняв, что, возможно, это последнее, что он может увидеть в своей жизни, стремилась показать ему самое прекрасное видение, какое он мог бы взять с собой в следующую жизнь.

Одетые в простые чёрные хитоны Уриил и Пазаний молча шествовали за магистрами ордена, с них были сняты цепи, а броня возвращена в армориум Четвёртой роты, босые ноги ступали по нагретой солнечными лучами земле. Вооружённые охранники не сопровождали эту мрачную процессию. Хотя Уриил с Пазанием и были виновными, они также всё ещё были Ультрадесантниками, готовыми с отвагой и честью встретить свою судьбу. Целых два часа они поднимались от Крепости Геры к Скале Галлана, - угловой плите чёрного мрамора, выступающей из скальной породы.

В древние времена осуждённых преступников бросали отсюда в пропасть, и именно на этом месте меч Робаута Жиллимана отсек голову королю-предателю Галлану, убившему отравленным кинжалом своего приёмного отца и пытавшегося захватить власть над Макрагге.

Магистры собрались у края пропасти, лёгкий туман смочил водяной плёнкой их доспехи. Когда Уриил приблизился к ним, его хитон тоже быстро промок и прилип к телу. Уриил с Пазанием молча взошли на мраморную плиту и шаг за шагом начали приближаться к её краю. Уриил испытал мимолётное головокружение, когда краем глаза заглянул в бездну. Чёрная скала была скользкой, но Уриил считал, что особой разницы нет: упадёт он в пропасть сейчас или чуть позже.

Оказавшись на самом краю чёрной плиты, они опустили на колени, камень был твёрдым и холодным. Уриил заглянул за край, в головокружительную пропасть, на острые камни, навечно запятнанные

кровью приговорённых. И очень скоро и его собственная кровь обагрит их, странно, но эта мысль не вызывала у него никаких волнений. Агемман ясно дал понять, что поставлено на карту, а Уриил был настоящим Ультрадесантником и мог проникнуться его словами и принять правильное решение.

Он почувствовал руку на своём плече и посмотрел на Пазания. Его друг и товарищ по оружию был мужественным и, гордо подняв голову, оглядывал долину, наслаждаясь красотой открывающегося вида.

- Я не жалею ни о чём, - сказал Пазаний, - Мы действовали с отвагой и честью, никто не может требовать от нас большего.

У Уриила сдавило сердце, он кивнул, преклоняясь перед своим другом. Он услышал приближающиеся шаги за спиной и склонил голову, закрыв глаза и ожидая толчка, который бы отправил его напрямик к своей гибели. Он почувствовал, как его хитона коснулись латные перчатки, и он услышал голос лорда Калгара:

- Против вас выдвинуты обвинения, за которые согласно Кодексу Астартес существует одно единственное наказание. Вы, воины отваги и чести, и мне больно терять таких доблестных собратьев, но у меня попросту нет другого выхода. Точно так же, как и вы, я связан Кодексом и должен подчиниться его законам и приговорить вас к смерти, - рука Калгара сжала плечо Уриила, - Есть множество разных способов добиться смерти, много способов встретить свою судьбу, ведь потеря жизни, способной нанести очередной удар по врагам Императора, есть смертельный грех. И поэтому, я приговариваю вас дать Смертельную клятву и нести свет Императора в проклятый регион космоса, в котором многие настоящие воины встретили свой конец, - в Глаз Ужаса. Я приговариваю вас нести свои огонь и сталь через мрак Хаоса, пока вы не найдёте свою судьбу.

Уриил неподвижно стоял в освещённом факелами зале врат, окружённый магистрами ордена. Он был облачён в полный силовой доспех, и на его поясе висел его меч с золотым эфесом, у него было легко на сердце, как не было уже многие месяцы. И хотя путешествие в Глаз Ужаса, этот регион космоса, где безумие и зараза Варпа проникает в реальное пространство, означало такую же верную смерть, как если бы Уриила столкнули со скалы Галлана, он чувствовал, что это решение было правильным.

Рядом с Уриилом стоял Пазаний, также полностью облачённый в броню, крепко сжимая модифицированный огнемёт в своей серебряной аугметической руке. Капеллан Клаузель читал из древнего переплетённого в кожу тома с окаймлёнными золотом страницами и сильным ароматом плесени, какой бывает у книг, не открываемых многими веками. Строки из Книги Бесчестия, слова, не звучавшие на протяжении шести тысячелетий, произносились сопровождая магистров, убравшим с доспехов и оружия любые знаки, отмечавшие Уриила и Пазания как Ультрадесантников.

Таутировка номера роты была сведена с левого плеча Уриила, а наплечники брони закрашены, став безупречно голубыми. Золотые орлы были сняты с его груди и пояса, за ними последовали печати чистоты и знаки почёта, убранные в сандаракковый ковчег. В отсутствие Уриила Четвёртой ротой будет командовать Леарх, и капитан не мог придумать лучшей кандидатуры для лидера оставшихся в живых воинов и восстановления общей численности роты.

Марней Калгар бесстрастно наблюдал за тем, как с доспехов Уриила и Пазания снимали знаки отличия, но Уриил знал, что ему не нравилось это, но он также знал, что у Великого магистра не было другого выбора, кроме как связать их Смертельной клятвой. Либо так, либо позорная смерть на камнях у подножия Водопадов Геры. Уриил помнил слова Агеммана, сказанные ему в камере ровным спокойным

тоном так ясно, как если бы он только что прошептал их ему на ухо. Агемман говорил о великом и добром имени Ультрадесанта, имени, олицетворявшем правду, отвагу и веру в Императора. Никогда не существовало более истинного ордена космического десанта, и посеять семена сомнения в разумы его воинов – всё равно, что проклясть его на веки вечные. Сила ордена заключается в вере в самого себя, в силу, исходящую от Великого магистра и заключённую в его подчинённых. Орден был сплочён доблестью своих воинов, и позволить одному из них очернить его – всё равно, что подорвать самые устои Ультрадесанта. Каждый воин рассматривал своих непосредственных начальников как олицетворение учений Кодекса, и увидеть, что капитан отринул их, было большим ударом. Зараза инакомыслия должна быть вырезана с корнем, прежде чем сможет распространиться на весь орден и погубить его. Другого пути не может быть. Сила, звучавшая в голосе Агеммана, пробилась через горечь и разочарование, терзающие Уриила изнутри, и он смог увидеть дальше своих поступков и их прямых последствий, он увидел, что случится, если его методы распространятся на весь орден.

Ультрадесант превратится в сборище кочующих воинов, атакующих всех, кого только захотят. Очень скоро они станут неотличимы от отступников и ренегатов, поклоняющихся Губительным Силам, Уриила охватило видение будущего, в котором жестокие и кровавые Ультрадесантники будут вселять такой же страх и отвращение, как те, кто уже давно идёт по пути Хаоса.

Агемман не отдавал приказа, что делать, он оставил им выбор решать самим. Уриил знал, как следовало поступить: принять наказание лорда Калгара и показать ордену, что путь, выбранный Ультрадесантниками, – верный. Они с Пазанием должны дать Смертельную клятву, чтобы орден смог продолжить существовать, как и прежде.

Наконец, Клаузель закрыл книгу, он склонил голову, когда Уриил и Пазаний проходили мимо, направляясь к воротам.

- Уриил, Пазаний, – произнёс лорд Калгар.

Два космических десантника остановились и поклонились своему бывшему магистру.

- Император пребудет с вами. Умрите достойно.

Уриил кивнул в ответ, в тот же момент ворота распахнулись. Вместе с Пазанием они ступили наружу, в пурпурные сумерки вечера. Вокруг пели певчие птицы, а на высоких стенах и башнях Крепости Геры мерцали огни факелов. Прежде чем ворота закрылись, Калгар снова заговорил, в его голосе звучали нотки нерешительности, словно он был не уверен, стоит ли ему вообще что-либо говорить.

- Прошлой ночью со мной говорил библиарий Тигурий, – сказал Калгар, – Он рассказал мне, что ему было видение вас с Пазанием, захваченных Тёмными Силами. О мире, исполненном тёмного железа, с гигантскими утробами демонической плоти, пульсирующими чудовищной неестественной жизнью. Он видел жестоких хирургов – подобных чудовищам – резавших эти утробы, доставая оттуда окровавленные тела. И хотя они выглядели больше мёртвыми, чем живыми, они дышали, высокие, сильные – тёмное зеркало нашей доблести. Я не знаю, что означает это видение, Уриил, но исходящее от него зло очевидно. Найди это место и уничтожь.

- Как прикажете, – ответил Уриил и, повернувшись, направился в наступавшую ночь.

Впереди открывалась широкая, вымощенная камнем эспланада, на которой выстроенные двумя параллельными линиями стояли Ультрадесантники, образуя длинный коридор от главных врат Крепости. Все десантники ордена, находящиеся на Макрагге, ждали их здесь – более пяти сотен воинов

с оружием в руках и гордо поднятыми головами. Уриил с Пазанием шагали меж рядов своих собратьев, и каждый из них вставал по стойке смирно и поворачивался к ним спиной, когда двое изгнанников проходили мимо.

Внешняя стена Крепости возвышалась над ними, и Уриил не смог удержаться и обернулся глянуть на величественную Крепость Геры. Стометровые золотые ворота плавно открылись, и Уриила охватило жуткое ощущение встречи с неизвестным. Когда они пройдут через ворота, они перестанут быть Ультрадесантниками, они вступят в необъятную галактику, стремясь выполнить Смертельную клятву, в этот момент Уриил окончательно осознал, чего они с Пазанием лишились из-за него.

Уриил увидел Леарха, который стоял в ряду со своими братьями. Когда они поравнялись, его бывший сержант не повернулся к Уриилу спиной, как делали все остальные Ультрадесантники.

Уриил остановился и сказал:

- Сержант, вы должны повернуться.

- Нет, капитан, я не отвернусь, я буду смотреть вам в след.

Уриил улыбнулся и протянул ему руку, Леарх с чувством гордости пожал её.

- Я присмотрю за воинами Роты, пока вас не будет, - пообещал Леарх.

- Я знаю, Леарх. Желаю тебе удачи, но сейчас ты всё-таки должен отвернуться от нас.

Леарх медленно кивнул и отдал честь, прежде чем повернуться спиной к своему бывшему капитану. Уриил с Пазанием продолжили свой путь, вступив под сень огромной стены и, наконец, покинули Крепость Геры.

Врата захлопнулись за их спинами.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Последствия_/_Consequences_\(рассказ\)&oldid=22024](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Последствия_/_Consequences_(рассказ)&oldid=22024)

Эта страница в последний раз была отредактирована 1 января 2023 в 02:25.